
МЕЖДУ ВЕРОЙ И ВЛАСТЬЮ: ЖЕНСКАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ*

М.В. Каиль

Кафедра истории России
Смоленский государственный университет
ул. Пржевальского, 4, Смоленск, Россия, 214000

В статье анализируются общественно-политические условия и социальные реалии, повлиявшие на эволюцию форм женской религиозности в постреволюционной российской провинции (на примере Смоленщины), конкретные практики исповедания веры, специфика самоидентификации православных верующих. Взаимоотношения со светской властью выступают основным фактором влияния на эволюцию женской религиозности, определяя ее формы и конкретные проявления.

Ключевые слова: православие, провинция, женская религиозность, религиозные практики, репрессии.

Положение православной женщины в первые послереволюционные годы имело свои особенности. Революционное время способствовало деформации традиционной женской религиозности. Ее широкое распространение признавалось большевиками в качестве серьезной проблемы, но рассматривалось с известной долей снисходительности – как проявление культурной отсталости и забитости женщин. В то же самое время верующий мужчина считался «опасным религиозником».

После окончания Гражданской войны, и особенно в ходе антицерковных судебных процессов 1922 г., сформировались условия, делающие социальный и связанный с ним нравственный выбор неизбежным. Очевиден и круг имевшихся альтернатив: открытое следование вере и неприятие новых норм жизни; приспособление в той или иной форме, позволявшее одновременно вписаться в советскую действительность и в тайне сохранить веру; отказ от религии и религиозной морали.

Опыт женского подвижничества в первые постреволюционные годы стал предметом изучения отечественных и иностранных ученых, которые в той или иной степени осветили или обратили внимание на изучение проблем, которые почти не затрагивались советской историографией (1). Пер-

---

* Статья подготовлена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.1. Проект: «Модернизационные процессы в развитии российской провинции 1920–1930-х гг. (теоретические проблемы, пути и практика изучения)».

спективным представляется расширение источниковой базы данной тематики, включая и привлечение региональных материалов.

Принято считать, что наиболее последовательными защитницами православных ценностей были монахини. В Смоленской епархии к 1917 г. насчитывалось 4 женских монастыря и 2 общины (2). Женщины преобладали среди монашествующих (164 из 299) и среди «белецов» – лиц, выполнявших послушания, но не принявших постриг (488 из 639) (3).

Одним из первых судебных процессов в Смоленской губернии оказалось весьма показательное «дело монахинь Вознесенского монастыря» (лето 1918 г.) К суду ревтрибунала они были привлечены за попытку сокрытия монастырского имущества от реквизиции. Процесс одновременно носил пропагандистский, антирелигиозный характер. На страницах смоленских «Известий» появилась серия репортажей из зала суда, выдержанных в духе очернительства церкви и верующих: «Монастырь – гнездо сплетни и зависти – это притон затаившихся черных воронов...» (4).

Один из свидетелей по делу «указывал на тот факт, что по взглядам и политической жизни вся обитель разделилась на два враждебных друг другу лагеря: приверженцев старой администрации и нового течения – перевыборов административного правления на началах равного, прямого и тайного голосования...» (5). В действительности в монастыре существовал вполне реальный конфликт, расколовший его обитателей на два лагеря. Советская печать лишь представила конфликт сообразно духу времени. Обличительный пафос обвинения монашеству звучал и в последнем слове гособвинителя на суде: «А разве это должно быть так, разве место, куда пришли спасаться люди, должно быть местом преступлений? Во внезапном исчезновении игуменьи (не явилась на суд. – *М.К.*) обвинитель видит стыд и трусость представителей умирающего буржуазного строя» (6).

По итогам разбирательства лишь в отношении игуменьи, казначеи и письмоводительницы, признанных виновными «в попустительстве хищения хозяйства монастыря», было вынесено судебное предписание об удалении их из общин епархии (7). Это дело выявило наличие раскола в, казалось бы, наиболее консервативном и устойчивом женском сообществе – монастырской общине. Причем, как видно из источников, раскол этот произошел в связи с вопросом об отношении к новой власти.

Как показал дальнейший ход событий, определенный выбор позволил конформистски настроенной части общины не только уцелеть, но и динамично развиваться на протяжении нескольких лет (8). Возможно, сам конфликт в общине был связан с отголосками «церковной революции» весны 1917 г., когда наболевшие проблемы внутрицерковной жизни выплеснулись в общество, а попытки их непоследовательного сиюминутного решения обернулись изгнанием ряда епархиальных архиереев, управляющих монастырей, способствовали распространению внутрицерковных распрей и конф-

ликтов как за монастырскими стенами, так и в православных приходских общинах (9).

Вознесенский приход Смоленска, возникший после официального закрытия монастыря весной 1918 г., по своему составу являлся в полном смысле слова «женским». Параллельно была образована Вознесенская трудовая коммуна, которую возглавила монахиня, не входившая в состав прежней монастырской администрации и отныне именовавшая себя светским именем – Агния Карнеева. Тогда же возник и приход Вознесенского храма, где был сформирован «светский» приходской совет (председатель В. Сысов). Особую роль в его работе играла занимавшая скромную должность секретаря Александра Филипповна Шмидт. Подробное изучение деятельности этого прихода позволяет получить уникальные сведения о практиках взаимоотношений с властью верующих женщин из разных слоев православного сообщества в ранний постреволюционный период.

В 1918 г. отношения двух частей прежде единого монастыря были обостренными, даже конфликтными. Однако затем состоялось примирение. Основой для него послужила необходимость выработки единой позиции в отношении требований светской власти. На каком-то этапе верующие согласовали общую стратегию, позволявшую, приспособившись к условиям разрешенной законом деятельности, по сути, сохранить уклад прежней монастырской жизни. При этом, в соответствии с духом времени, женщины не собирались изолироваться от светского мира. Характерно, что как монахини из правления трудовой коммуны, так и прихожанки городского прихода занимали активную общественную позицию, поддерживая многие мероприятия советской власти.

Уже в 1918 г. коммуне удалось получить большое имение в с. Вишенки близ Смоленска. Эти земли стали основой для создания крупного хозяйства – там были организованы пошивочные мастерские, работавшие на нужды Красной Армии. Здесь же возникли лазарет, больница и детский приют (10). При этом монастырские кельи были превращены на правах аренды в квартиры для коммунарок, вскоре прозванных местными жителями «коммунистками» (11). На территории бывшего монастырского комплекса располагалась и богадельня, в которой проживало около 30 пожилых женщин, в основном вдовых или престарелых монахинь (12). Формально приходской Вознесенский храм был передан общине, и создавалась иллюзия, будто коммуна и приход разобщены, что полностью соответствовало букве советских законов.

В 1920 г. окрепшая коммуна обратилась в Смоленский губисполком с проектом масштабной модернизации своего хозяйства, для чего она просила вернуть ряд объектов недвижимости, до революции принадлежавших Вознесенскому монастырю (13). Инициативные коммунарки – они же монахини – готовы были взять на себя ответственность за создание больницы, детского сада, аптеки, гостиниц и других объектов социальной инфраструктуры городского значения. Характерно, что в письмах коммуны «во власть» ис-

пользовалась не религиозная, а типичная советская риторика: «Трудовая Коммуна полагает, что она, являясь также государственным установлением, проводящим в жизнь великий, новый закон социалистического строительства, должна быть поставлена в такое положение, при котором не могут быть нарушены ее интерес и планомерность работы» (14). Для укрепления своих позиций авторы подобного обращения публично отрекались от своего монашеского прошлого: «Трудовая Коммуна считает себя обязанною присовокупить, что она является совершенно самостоятельным учреждением, вне всякой связи с монастырем, ибо не все бывшие монахини женского монастыря состоят ею членами, причем сам женский монастырь обращен в приходский храм, и коммунарки пользуются здесь только своими квартирами, не имея никакого влияния на течение приходской жизни» (15).

Однако подобные заявления о лояльности власти и хорошо известная среди местного населения активная общественная позиция их авторов, соответствующая духу времени, причудливым образом сочетались с сохранявшимся миром религиозных ценностей вчерашних православных монахинь.

К 1922–1923 гг. приходская община и коммуна настолько сблизилась, что «председательница» коммуны одновременно входила в состав приходского совета. Сообща решались и все важные вопросы. Так, столкнувшись с притязаниями властей на передачу в городской жилой фонд одной из церквей монастырского комплекса – храма Ахтырской Божией Матери – приходской совет пошел на хитрость: пользуясь юридической автономностью дружественной коммуны, он попросил власти передать храм именно ей (16). Однако стремление смоленских монахинь побыстрее «встроиться» в новую жизнь обернулись критикой их позиции со стороны церковных ортодоксов, не признававших компромисса с «богоборцами».

Возникает вопрос, насколько характерным было отсутствие в религиозной среде единой позиции в отношении новой власти в ранний постреволюционный период? Вероятно, многое зависело еще и от конкретной ситуации, а также от поведения самих представителей советской власти. Вот еще один эпизод, произошедший в марте 1918 г. уже среди религиозных женщин – работниц крупнейшей губернской фабрики Прохорова (ст. Ярцево). Возмущенные действиями одного из реквизиционных отрядов, сотни работниц вышли на улицу и заявили, «...что Церковь и духовенство они тронуть не дадут, а раздерут солдат на клочки». Доведя комиссара своим единодушным напором буквально до истерики (сообщалось, что «он рыдал перед бабами»), «женщины пошли в церковь и отслужили благодарственный молебен» (17). Практика защиты православных святынь и духовенства «женским живым щитом» (нередко с грудными детьми на руках) прочно и повсеместно (в том числе и в соответствии с решениями высшей церковной администрации) (18) вошла в практику разрешения конфликтных ситуаций с властями.

Обратимся к специфике поведения женщин в стрессовых условиях судебного преследования по религиозным мотивам в начале 1920-х гг. Источ-

ники свидетельствуют, что женщины-верующие в целом реже, чем мужчины, шли на соглашения с властью; их поведенческие практики более индивидуализированы, они проявляли себя в большей мере как жертвенные фанатичные исповедники своей веры.

Так, в материалах следственного дела «Соборного братства» (о сопротивлении изъятию церковных ценностей в Смоленске 1922 г.) сохранились источники, характеризующие специфику религиозности женщин, их образ мира, социальные ориентации и проч.

У задержанной на пороге канцелярии епископа уже упоминавшейся выше Александры Шмидт – секретаря Вознесенской общины – была изъята подготовленная для печати в советской газете статья, выражающая крайнюю антиепископскую позицию общины (вероятно, в тот период епископ пытался вернуть приход представителям старой монастырской администрации, что и встретило противодействие) (19). На допросе у следователя А. Шмидт охотно припоминала имена, места и обстоятельства встреч. Она не могла не отдавать отчет в том, что вовлекает в судебный процесс широкий круг православных, своих собратьев по вере. Выбор в пользу советских, по сути, практик законопослушания, позволяющий легализовать индивидуальную и общинную православную жизнь, в этих действиях очевиден. Но и при этом не могут не поражать средства борьбы прихожанок с епископом. Механизм назначения новой настоятельницы в статье, изъятой у Шмидт, описан в следующих выражениях: «Епископ постричь не прочь, хотя парикмахер неважный. Без канцелярской волокиты с этой целью состоялась архиерейская служба... только здесь запал прошел зря, ввиду протеста местных прихожан» (20).

Тогда же, в ходе следствия по делу об изъятии церковных ценностей, была выявлена псевдоконтрреволюционная переписка с епископом семьи Авдеевских, глава которой, Гавриил, якобы искал священнического места в Смоленске. Вместе с мужем была арестована жена Мария, допрошены их несовершеннолетние дети. С первых дней заключения Мария, беспокоясь о своей 14-летней дочери, оставшейся без присмотра, просила «ускорить рассмотрение дела» или освободить ее под подписку (21). Но при этом даже страх за ребенка не мог заставить ее отказаться от веры или изворачиваться на допросах. На сей раз власти разобрались: спустя месяц Мария была освобождена, не был осужден и ее муж.

Отметим, что немало православных женщин оказалось на скамье подсудимых в 1922 г. потому, что именно на них были сознательно возложены обязанности по защите церковных ценностей от действий комиссий по их изъятию (22). Самоотверженные действия активисток религиозных общин квалифицировались на суде как следствие их «темноты и невежества», что предполагало снисхождение и минимальные сроки наказания за сопротивление. Так, В. И. Сокольская, работавшая в детском приюте, была осуждена на 3 года условно «с привлечением к обучению неграмотных в домах заключения» (23).

Капитуляция перед властью и полное неприятие ее политики – крайности, которые отнюдь не исчерпывают модели поведения православных женщин, попавших под пресс советской репрессивной системы. Официальная же печать сделала одним из символов процесса «смоленских церковников», проходившего в августе 1922 г., подсудимую Евдокию Васильеву. Она была представлена общественности так: «В процессе церковников совершенно особое место занимала подсудимая Евдокия Васильева, принадлежащая к группе запершихся в соборе женщин. Среди этой серой кучки она по развитию едва ли сколько выделялась. Но, по-видимому, процесс оставил в ней глубокий след» (24). Она выступила перед трибуналом, заявив, что «хоронит свое прошлое». Позднее в ее уста были вложены гораздо более громкие заявления: «Вот заря нового христианства! Представители Советской власти являются правдивыми исполнителями воли Христовой, они ведут нас к самоотверженной жизни» (25).

То, как складывалась судьба женщин из различных слоев православного сообщества российской провинции первых постреволюционных лет, и как менялось их отношение к вере и власти, хорошо характеризуют их письма «во власть», а также в адрес местной и центральной церковной администрации.

Большинство таких писем аккумулировались Смоленским епархиальным советом. Единственными женщинами-корреспондентами этого Совета, так сказать, по долгу службы, были настоятельницы монастырей. Как и православные пастыри, они информировали епархиальную власть о случаях нападения на вверенную в их управление обитель.

Обстановка Гражданской войны оборачивалась для некоторых общин трагедией. Так, по решению администрации г. Вязьмы в одночасье был закрыт крупнейший в городе Аркадиевский женский монастырь. Его настоятельница сообщала: «Мною получено постановление Вяземского исполнительного комитета, которым муниципальному отделу поручается в 4-дневный срок все помещения Аркадиевского монастыря освободить и монахинь выселить... Во исполнение этого постановления сестры вверенного мне монастыря выселяются из монастырских помещений – часть к родным, а часть расселилась в городе по квартирам» (26).

Как видим, эта ситуация далека от «идиллии», сложившейся в это время в Вознесенской обители Смоленска. В большинстве случаев именно такие изгнанные из монастырей монахини и создавали катакомбные (тайные) монастыри (27).

Столь же беззащитны перед действиями властей были и жены священников. Некоторые из таких женщин, потерявших своих мужей, сами были вынуждены искать пути спасения. Так, вдова сельского священника Николая Добромыслова испрашивала у епископа разрешения на перевод родного дяди в приход покойного мужа – это было единственное средство обеспечить традиционно многочисленное священническое потомство (в данном случае детей было шестеро) (28). Ее дело решалось «синодальным порядком» –

долго и не без издержек церковной бюрократии. Исход нам неизвестен, но ясно, что положение других вдов было не лучшим. Напряженные отношения священников с сельским миром практически не оставляли надежд на помощь со стороны приходской общины. При этом в довольно плачевных условиях (из-за репрессий в отношении клириков, от ареста до расстрела, а также военной мобилизации) оказалась примерно пятая часть всех священнических семей. Решать эту проблему эффективно епархиальные власти не могли. Способствовало ли такое положение дел укреплению женской веры? Едва ли.

Обращаясь к проблеме эволюции женской религиозности в постреволюционных условиях, нельзя обойти вниманием проблему внутрицерковного статуса православной женщины той поры. Вопреки широким общественным дискуссиям «церковной весны» 1917 г., выдвижению ряда смелых идей (вплоть до возможности учреждения женского клира), положение женщины оставалось патриархально-приниженным. Как и прежде, женщины были фактически отстранены от епархиального управления (их влияние ограничивалось приходским советом – как в случае Вознесенской общины Смоленска). В составе служащих епархиального совета женщины были представлены весьма скромно – 4 из 17 сотрудников (29). При этом занимали они самые младшие (и низкооплачиваемые) должности переписчиц. Женщина была фактически лишена возможности занять статусную должность церковного старосты, председателя приходского совета.

Безусловно, данный драматичный этап в истории православной церкви сопровождался и явлениями жертвенности, побуждал к единению близких по духу людей. Вслед за процессом лета 1922 г. на Смоленщине возникло «дело епископа Филиппа» – правящего епископа Смоленского и Дорогобужского Филиппа (Ставицкого). В материалах следственного дела содержится личная переписка пастыря с верующими женщинами (30).

Епископу в числе прочих писала его давняя знакомая – настоятельница крупного монастыря в Самарской епархии, поведавшая о своих «страданиях» от наветов регентши монастырского хора. «Хорошо сделала, что не устрашилась ничего, и даже военная власть очень внимательно ко мне отнеслась, – писала настоятельница, – а свои сестры довели до тюрьмы... был спрятан хлеб, а я всю вину приняла одна на себя... думала этим спасти обитель» (31). Примечательно, что и эта женщина пострадала за веру по вине своей же общины.

Таким образом, отход от веры и распространение практик приспособления происходили по разным причинам: как под угрозой насилия, так и под влиянием научно-атеистической пропаганды (особенно действенной среди молодого поколения); как по карьерным соображениям (членство в партии и проч.), так и в связи с разочарованием граждан в церкви и ее постулатах. Кто-то в сложившихся условиях действовал сугубо рационально, так как, к примеру, не желал быть изгоем и упустить возможности социального лифта,

а кто-то прекращал связи с церковью, ассоциирующейся с «проклятым, темным прошлым», в эмоциональном порыве. Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что коммунизм воспринимался как «новая религия», а многие его постулаты вполне вписывались в религиозное сознание населения. Вместе с тем изученная эпоха явила характерные примеры доминирующей религиозной традиции. Ее наличие определяло как жизнеспособность института церкви, так и сохранение в советской России общих контуров системы православных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., напр.: *Леонтьева Т.Г.* Женский фактор в жизни православного прихода (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Социальная история. Ежегодник 2001/2002.* – 2004. – С. 208–209; *Кириченко О.В.* Женское православное подвижничество в России (XIX – середина XX в.): Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2010. – С. 40; *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. – М., 2001. – С. 229–240; *Денисова Л.Н.* Судьба российской крестьянки в XX веке: брак, семья, быт. – М., 2007. – С. 316–317; *Husband W.B.* «Godless Communists»: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917–1932. – Northern Il., 2000. – P. 25–26, 54–59, и др.
- (2) РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2763. – Л. 10.
- (3) Там же. – Л. 10.
- (4) Известия Исполнительного комитета Советов Западной области. – 1918. – 22 августа. – С. 3.
- (5) Там же.
- (6) Там же. – 1918. – 24 августа. – С. 3.
- (7) Там же.
- (8) Подробнее см.: *Каиль М.В.* Православная церковь и верующие Смоленской епархии в годы революций и Гражданской войны, 1917–1922: государственно-церковные отношения и внутриконфессиональные процессы. – М., 2010. – С. 128–134.
- (9) *Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 года. – СПб., 2008; *Каиль М.В.* «Революция в церкви»: дискуссии о церковной реформе и Смоленский епархиальный съезд духовенства и мирян 1917 г. // *Церковно-исторический вестник.* – 2007. – № 14. – С. 163–172.
- (10) ГАСО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 963–964.
- (11) ГАСО. – Ф. 1232. – Оп. 1. – Д. 320. – Л. 47.
- (12) Там же.
- (13) ГАСО. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 322–322 об., 963–964.
- (14) Там же. – Л. 964.
- (15) Там же.
- (16) ГАСО. – Ф. 161. – Оп. 1. – Д. 1480. – Л. 43, 45.
- (17) Прибавления к церковным ведомостям. – 1918. – № 13–14. – С. 480.
- (18) ГАРФ. – Ф. 3431. – Оп. 1. – Д. 563. – Л. 402.
- (19) Архив Управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области (АУФСБСО). – Арх. № 11018-с. – Л. 63–66.
- (20) Там же. – Л. 65.

- (21) Там же. – Л. 161.
(22) Там же. – Л. 57; Рабочий путь. –1922. – 1 августа. – № 169.
(23) *Каржанский Н.С.* Процесс Смоленских церковников. 1–24 августа 1922 г. – Смоленск, 2008. – С. 184.
(24) Там же. – С. 155.
(25) *Каржанский Н.* Процесс Смоленских церковников... – С. 94.
(26) ГАСО. – Ф. 1232. – Оп. 1. – Д. 132. – Л. 2.
(27) *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М., 2008. – С. 40–44, 78–90; *Wynot J.J.* Keeping the Faith. Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. – Texas, 2004.
(28) ГАСО. – Ф. 1232. – Оп. 1. – Д. 186. – Л. 15–15 об.
(29) Там же. – Д. 168. – Л. 29.
(30) АУФСБ СО. – Арх. № 2646–с. – Л. 58.
(31) Там же. – Л. 61.

**FEMALE RELIGIOUSNESS
IN POST-REVOLUTIONARY RUSSIAN PROVINCE:
BETWEEN BELIEF AND POWER**

M.V. Kail'

Chair of History
Smolensk State University
Przevalskogo Str., 4, Smolensk, Russia, 214000

In article political conditions and the social realities which have affected evolution of forms of female religiousness in a postrevolutionary Russian province (on an example of Smolensk region), concrete experts of confession of belief, specificity of self-identification of orthodox believers are analyzed. Mutual relations with the secular power act as a major factor of influence on evolution of female religiousness, defining its forms and concrete displays.

Key words: Orthodoxy, province, female religiousness, religious practices (experts), repressions.